

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.1.36-51

Элбакян Е.С.

Новые религиозные движения эпохи постмодерна: динамика организаций нью эйдж (на примере организации «Радастея»)

Аннотация. В статье рассматривается феномен нью эйдж как части новых религиозных движений через призму отражения в нём отдельных характеристик эпохи постмодерна и философии постмодернизма, показываются две тенденции в развитии современных групп нью эйдж. Рассматривается типология новых религиозных движений. Автор выделяет две основные тенденции в развитии нью эйдж: неуклонный «дрейф» в сторону «классических» НРД и, напротив, отход от «религиозной проблематики», утрата отдельных «религиозных черт»,

присущих на этапе формирования и начального существования организации с постепенной эволюцией к нерелигиозной (светской) форме такой организации. Детально, на примере организации «Радастея», рассматривается одна из названных тенденций – эволюция от нью эйдж к нерелигиозному типу организации. На основании результатов социологического опроса делается вывод об отсутствии признаков религиозной составляющей в деятельности Института ритмологии, выступившим преемником организации «Радастея», посещающий который слушатели не нацелены на удовлетворение религиозных потребностей, не считают Институт религиозной организацией, не воспринимают его как священное место. Около трети опрошенных считают себя верующими и заявляют о своей принадлежности к традиционному религиозным направлениям России, либо сообщают о своей внеконфессиональной религиозности. Респонденты не воспринимают лидера данного движения в качестве святой (сакральной) личности, богини, наделяя её вполне земными характеристиками. В настоящее время ИрЛЕМ представляет собой светскую (внерелигиозную) общественную организацию и осуществляет свою деятельность в соответствии с собственным уставом, составленным исходя из нерелигиозных целей и задач Института.

Ключевые слова: нью эйдж, новые религиозные движения (НРД), религиозная организация, эпоха постмодерна, постмодернизм, Радастея, Институт ритмологии

Ekaterina S. Elbakyan

New Religious Movements of Postmodern Era: Dynamics of New Age Organizations (the case of “Radasteya”)

Abstract. The article examines the phenomenon of New Age as a part of new religious movements through the prism of reflecting in it certain characteristics of the postmodern era and the features of the philosophy of postmodernism, showing two trends in the development of modern groups of new age. The author allocates two main tendencies in development of New Age: strict “lean” towards “classical” new religious movements and, on the contrary, withdrawal from “religious perspective”, loss of separate “religious lines” inherent at a stage of formation and initial existence of the organization with gradual evolution to not religious (secular) form of such organization. In detail, the example of the “Radasteya” organization examines one of these trends – the evolution from New Age to a non-religious type of organization. On the basis of results of sociological poll, the author made a conclusion about lack of signs of religious component in the activity of the Institute of rhythmology, the successor of “Radasteya”; people visiting the Institute are not aimed at satisfaction of religious requirements, do not consider Institute the religious organization, do not perceive it as a sacred place. About a third of the respondents consider themselves believers and declare belonging to the traditional religious branches of Russia, or report about the extra confessional religiousness. Respondents do not perceive the leader of this movement as a saint (sacral) person, or a goddess, allocating her with quite terrestrial characteristics. Now the Institute of rhythmology represents secular (extra-religious) public organization and carries out the activity according to own rule made by reference to non-religious purposes and tasks of the Institute.

Key words: New Age, new religious movements, postmodern era, postmodernism, “Radasteya”, Institute of rhythmology, religious organization

Элбакян Екатерина Сергеевна – доктор философских наук, старший научный сотрудник, директор Центра религиозоведческих исследований «РелигиоПолис»; г. Москва; elbakyanes@gmail.com.
Ekaterina S. Elbakyan – DSc (Philosophy), Senior Researcher, Head of the Center for Religious Studies «ReligioPolis»; Moscow, Russia; elbakyanes@gmail.com.

Новые религиозные движения в контексте постмодерна

Известно, что эпохе постмодерна и отражающим её философии, искусству, литературе, именуемым постмодернизмом, свойственны некоторые характерные черты. Разные авторы дают различные определения постмодернизма. Не останавливаясь на всех многочисленных подходах, поскольку это не является задачей настоящей статьи, упомянем, что, например, Жан-Франсуа Лиотар, известный представитель философии постмодернизма, рассматривает его как «общий культурный знаменатель второй половины XX века, уникальный период, в основе которого лежит специфическая парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса» [Лиотар, 1998, 63].

По мнению отечественного исследователя А.В. Апполонова, с которым сложно не согласиться, под постмодернизмом следует понимать «эпоху, которая пришла (на Западе – приблизительно в 70–80-е годы XX века) на смену европейскому Новому времени, или “модерну” (modernity, Moderne, modernité etc.). Характерными чертами постмодерна (как эпохи) и постмодернизма (как выражения этой эпохи в культуре) являются агностицизм (в отношении объективной истины), иррационализм, крайний субъективизм, отрицание ценностей и норм (“вечные ценности” – тоталитарные и параноидальные идефиксы, которые препятствуют творческой реализации индивида), эклектизм (в смысле фейерабендовского “anything goes”), бессистемность, антиномизм, анархизм, широкий плюрализм (при котором – любое мнение одинаково ценно) и т.п. Кроме того, есть и более специфические элементы, характеризующие постмодернистскую культуру, такие как игра, ирония, коллаж, цитатность, интертекстуальность, “смерть автора” и т.д.» [Апполонов, 2018, 9–10]. Обобщённое определение А.В. Апполонова, учитывая наше исследование, можно было бы, пожалуй, дополнить метафорой «смерти Бога» и «смерти теологии», которые также во многом определяют духовную жизнь эпохи постмодерна и тип возникшей в эту эпоху новой религиозности.

Очевидно, что постмодернизм не является однородным явлением, в нём могут быть выделены как религиозное, так и внеконфессиональное направления. «Представители обоих течений в качестве основного философско-мировоззренческого принципа, принимают провозглашённый впервые Ж.Ф. Лиотаром ... отказ от общих положений, организующих знание, и провозглашение плюрализма, оправдывающего сосуществование локальных, конкурирующих между собой теорий, построенных на принципиально различных мировоззренческих основаниях. Они отказываются от традиционных религий и от концепций атеистического гуманизма, полагая, что принципы западноевропейской метафизики, лежащие в их основании и определяющие их содержание, нуждаются в пересмотре. В концепциях почти всех мыслителей постмодернистского направления как религиозной, так и внерелигиозной ориентации обнаруживается обращение к проблеме *Абсолюта*, рассматриваемого в качестве основания существующего мира. Постмодернисты утверждают невыразимость Абсолюта, трактуя его по-разному» [Торбург, 2008, 779].

Ряд авторов, исследующих постмодернизм, приводят сравнительные характеристики модернизма и постмодернизма [Подробнее см.: Орлова, 2004, 394–395]. Обратившись к ним, можно выбрать те позиции, которые имеют непосредственное отношение к процессу возникновения новых религиозных движений, и в частности, нью эйдж.

На наш взгляд, к отмеченным выше мировоззренческому плюрализму и проистекающему из него религиозному плюрализму, получившему импульс к развитию в эпоху модерна с присущими ей процессами секуляризации и формирования мировоззренческих и юридических принципов светскости, переводящих религию из сферы государственной в сферу общественную и, в первую очередь, в сферу

приватной жизни людей, предоставляя им возможность выбора вероисповедного состояния или его отсутствия, а, следовательно, определённой мировоззренческой сдобы, а также отрицанию ценности традиционных религий, концептам «смерти Бога» и «смерти теологии» и т.п., можно добавить антииерархичность; антиметафоричность (замену метафоры метонимией); определённую поверхностность (при которой форма по большей части превалирует над содержанием); антинарративность; замену семантики – риторикой, Божественности – духовностью, дистанцированности – партиципацией, выборочности отбора – эклектичностью, синкретичностью комбинаций, «клиповым мышлением», суть которого заключается в фрагментарном восприятии действительности через краткие сюжеты, калейдоскоп образов и, как следствие, неспособность к целостному мировосприятию; трансцендентности, свойственной, например, теистическим религиям, – имманентностью. Дистанция между Богом и человеком на протяжении истории существенным образом (теоретически) сокращается: Бог становится имманентным (например, в пантеизме, который в дальнейшем преодолевается в позитивизме, прагматизме и т.д., не оставляющем места «дистанции»). Кстати, в этот же период в политической жизни получают развитие идеи демократии. С другой стороны, рост мистицизма, обычно наблюдающийся в кризисные моменты развития общества, особенно в интеллигентских кругах, также сокращает дистанцию между Богом и человеком, стремящимся к единению с ним. «Интимная сфера жизни индивида становится проводником его религиозного опыта, – характеризуя эпохи развития мистицизма, пишет К. Мангейм; – четыре стены его жилища превращаются, так сказать, в пространство души» [Mannheim, 1956, 233].

В качестве одного из ярких примеров влияния постмодернизма на новую религиозность можно привести резко негативное отношение саентологов к психиатрии, где они исходят из того, что психиатрии как таковой не существует, а психиатры – это коммерсанты, которые ради наживы придумывают различные психические заболевания, а потом долго и дорого их лечат. До саентологов подобная идея была высказана одним из крупных философов постмодернизма Мишелем Фуко в его первой книге, изданной в 1954 году, «Психическая болезнь и личность» («*Maladie mentale et personnalite*») [Фуко, 2009]. По мнению Фуко, никаких психических болезней не существует, а есть врачи, которые стремятся к обретению власти и господства за счёт объявления здоровых людей «больными» [Подробнее см.: Апполонов, 2018, 27].

В числе основных характеристик новой религиозности, отражающей эпоху постмодерна, можно назвать следующие.

1. Заметное вытеснение религиозности квази-религиозностью (это хорошо видно как раз на примере групп нью эйдж). Последняя отличается от религиозности объектом поклонения: если религиозным формам сознания присуща вера в сверхъестественное существо, то квази-религиозность, хотя и характеризуется теми же особенностями, что и религиозность, предполагает веру в естественные события, в личности, а также процессы и создание на основе подобной веры определённых социальных мифомоделей, как правило, находящихся отражение и поддержку в массовом сознании. Элементы квази-религиозности присущи многим новым религиозным движениям, вневероисповедной мистике, различным видам оккультизма, увлечение которыми стало весьма распространённым явлением в современном социуме.

2. Эклектизм восточной и западной традиций в религии, философии, культуре, образе жизни (увлечение дзен-буддизмом, фэншуй, карате, ушу и др. в западном мире и, напротив, успешное миссионерство, результатом которого стала христианизация народов Азии – Китая, Японии, Кореи, Филиппин и др.).

3. Перемещение акцентов с бытия на сознание, когда все невзгоды и беды рассматриваются не как имеющие место объективные процессы, а исключительно как негативная субъективная реакция на них по принципу «Хочешь изменить ситуацию, измени отношение к ней», «Хочешь быть счастливым, будь им» и др. Таким образом, оказывается, что меняя своё отношение к миру, субъект меняет сам мир. Неокантианский тезис «Предмет не дан, а задан» приобретает в религии повседневности фундаментальное звучание, ибо мир начинает конструироваться субъектом. Происходит некое сближение человека с Богом, ибо человек, провозглашающий

себя творцом, «конструктором» реальности, существенно приближается к Богу, порой стремясь занять его место.

4. Личный Бог во многих разновидностях новой религиозности заменяется некоей высшей силой, оказывающей прямое или опосредованное воздействие на жизнь человека. Происходит своего рода деантропоморфизация Бога, который обретает весьма абстрактные и «размытые» черты. Такому видению способствует увлечение мистическими практиками, нередко сочетающимися с манифестацией приверженности к какой-либо из так называемых «традиционных» конфессий. Религиозная вера и суеверие вполне уживаются в воззрениях и религиозных практиках очень многих современных людей.

5. Сами организационные и культовые основы также во многом меняются. Порой при посещении современной церковью создаётся устойчивое впечатление, что находишься в хорошо работающем офисе, где культово-ритуальные практики попадают в графу «оказания религиозных услуг».

6. Выхолащивается мистическая суть религии, когда место мистики занимает мистификация, которая по большей части рассматривается в качестве «коммерческого проекта», свидетельствуя тем самым об отсутствии веры у самих её проводников, становящихся «мистификаторами».

7. Происходит виртуализации религии [Подробнее см.: Забияко, 2012]. Религиозные отношения во многом из социальных превращаются в виртуальные. Сегодня даже в дни крупных праздничных мероприятий совсем не обязательно находиться в храме или мечети, вполне достаточно принимать в них участие онлайн, посредством сети интернет или наблюдая по телевизору. Точно так же с любым сакральным текстом или его разъяснениями и толкованиями можно ознакомиться в интернете. Там же можно узнать обо всех событиях той или иной религиозной организации, не выходя из дома, пообщаться на форумах с единомышленниками или оппонентами. Религиозная община как ядро «первичной» приходской жизни утрачивает былое коммуникативное значение.

По мнению автора, существует взаимосвязь между процессом глобализации эпохи постмодерна и распространением новых религиозных движений.

В эпоху постмодерна заметно развиваются процессы глобализации. Собственно, сама идея глобального изначально принадлежала религии, ставящей целью объединить весь мир своими идеями, нормами и ценностями. В то же время каждый регион современного мира может быть охарактеризован с точки зрения распространения главных религиозных групп. Исторические религии, связанные с традиционными общественными институтами, ценностями и мировоззрением в целом, безусловно, вынуждены реагировать на процессы глобализации. Несмотря на то, что эти «традиционные» религии сопротивляются глобализации, считая её угрозой своему типу религиозности, что во многом стимулирует рост фундаменталистских настроений, всё-таки глобализация в определённой мере способствует сохранению «традиционной религиозности», поверх которой располагается религиозность нового типа, ибо глобализации сопутствует детерриториализация религии. В глобализованном мире любая религия находит своих приверженцев там, где исторически их никогда не было, и теряет таковых в регионах традиционного распространения. Субъектом выбора всё больше становится отдельная личность, независимо от принадлежности к какой-либо религиозной или этнокультурной традиции. Плюрализм и даже эклектизм религиозных воззрений распространяется не только на уровне различных обществ, но и на уровне индивидуального сознания верующих. Именно новая религиозность, представленная НРД, является религиозным каналом глобализации. Такая религиозность, нередко представляющая собой синкретические воззрения, почерпнутые из разных религиозно-философских систем Запада и Востока, разрушает некие границы, в которые веками были встроены исторические («традиционные») религии, и создаёт духовно-нравственное основание для распространения глобализационных процессов во всех сферах жизни общества – первую очередь, в экономике, информации, культуре, политике. Это своего рода «альтернативная социализация», свидетельствующая о социальной активности НРД, выдвигающих собственные социально-политические парадигмы и ценностные

ориентиры, чаще всего отличные от исторических традиций того или иного отдельного общества, но согласующиеся с общим глобализационным трендом. В ответ на это «старые» религии акцентируют внимание на их длительной истории, культуре, влиянии на формирование национального самосознания народа, тем самым увязывая ту или иную религиозную традицию с определённым регионом, этносом, страной и противопоставляя её тенденциям вестернизации, с которыми неизменно ассоциируется глобализация. Попытки принятия традиционными религиями глобалистских норм и ценностей находят отражение в их отношении к другим религиям – базируется ли оно на демократических принципах свободы совести и вероисповеданий, или априорно исходит из приоритета своей религии и восприятия всех остальных как ложных и «вражеских».

Сам факт возникновения новых религиозных движений или новых религий не является для истории чем-то исключительным. Как известно из результатов изысканий в сфере археологии или источниковедения, процесс религиозного генезиса никогда не прекращался. Первоначально архаичные верования и культуры развивались и обогатились новыми доктринальными и этическими элементами, либо вытеснялись более развитыми по сравнению с ними моделями религиозно-ориентированных мировоззрений. От уже существовавших религий отделялись новые направления, возникавшие на основе иных толкований священных текстов, доктринальных принципов, составляя некую «альтернативу» современным им религиям. Нередко подобные процессы были обусловлены не собственно религиозными, а некими «внешними» аспектами, мотивировались политическими или социокультурными интересами.

Разумеется, в целом процесс образования новых религий нельзя представить в виде некоего равномерно распределённого по шкале времени и непрерывного. Периоды бурного развития различных религий, как правило, сменялись периодами относительной стабильности и застоя, а затем следовали кризисы, эпохи которых характеризовались всплесками появления новых религий. Это хорошо заметно на примерах возникновения христианства из религии древних евреев, формирования церкви и государственного христианства на почве языческой культуры Древнего Рима, а также возникновения лютеранства в Европе: во всех случаях образование и формирование новой религии совпадает с отчётливо кризисными периодами истории в разных регионах.

Начало последнего серьёзного всплеска в процессе образования новых религий приходится на XIX век. В это время возникли те из них, которые к началу XXI века было бы уже несправедливо квалифицировать «новыми». Вместе с тем, они, несмотря на длительность своего существования и распространение во многих (свыше 150) странах мира, остаются в каждой из стран распространения в статусе религиозных меньшинств. Более заметно к своему пику процесс образования новых религий начал приближаться к середине XX века и продолжается до сих пор.

Появление новых религиозных движений, заключающих в себе религиозность, альтернативную привычной и традиционной, воспринималось в западном обществе во второй половине XX века в основном крайне негативно. Объяснений такому жёсткому социальному скепсису можно предложить немало. Это и нарушение привычного комфорта религиозно-культурной обыденности для различных верующих, и массовое повышение доверия к авторитету науки у основной части населения, и вполне объяснимый страх «традиционных» религиозных институтов, в поле зрения которых на устоявшемся «религиозном рынке» объявились неожиданные и быстро развивающиеся конкуренты. Поэтому наиболее заметная реакция на появление новых религий по своему существу – хотя и с поправкой на условности цивилизованного гуманизма – полностью совпадает с реакцией, известной нам из более ранних периодов обозримой истории.

Что представляют собой новые религиозные движения? Один из наиболее известных российских исследователей НРД профессор И.Я. Кантеров полагает, что «религиозные движения данного типа называются “новыми”, поскольку в настоящем виде большинство из них возникло сравнительно недавно. От традиционных верований НРД отличаются нововведениями, существенно расходящимися с вероучительными установками исторических религий. Последователи НРД – верующие

первого поколения. Их верования не укоренены в традиции народов страны, нации, региона. При этом приобщение к вере чаще всего происходит не постепенно, эволюционно, а внезапно, сопровождаясь резким изменением взглядов, отношения к родителям, что нередко побуждает делать выводы о несамостоятельности выбора веры. НРД характеризуются наличием в них центральных фигур – основателей таких движений или их лидеров. Чаще всего они провозглашают себя божествами или их посланцами (мессиями), принесшими в мир новое, единственно истинное учение» [Кантеров, 2008, 892].

Вероятно, не лишним при этом будет напомнить, что под «историческими», или «традиционными» религиями чаще всего принято понимать те религиозные доктрины, на основе которых в течение столетий и тысячелетий складывались религиозные традиции. К этим традициям апеллируют сравнительно мощные в экономическом и политическом плане религиозные организации, повлиявшие на становление культур и широко распространившиеся на всех континентах. Это авраамические религии – иудаизм, христианство (католицизм, православие, протестантизм, ориентальные христианские церкви), многочисленные течения ислама, а также такие древние религии Востока, как индуизм и буддизм различных направлений. Таким образом, основным критерием восприятия религий в качестве «исторических» выступает немалая длительность срока их существования.

В качестве основных критериев новых религиозных движений (НРД) могут быть названы следующие: они

- а) возникли совсем недавно либо существуют на протяжении жизни одного поколения верующих;
- б) признают вероучительные положения, существенно расходящиеся с вероучениями «исторических» религий;
- в) не имеют укоренённости в социокультурном пространстве своего региона;
- г) в числе последователей, имеют, как правило, неофитов, пришедших в НРД благодаря миссионерской деятельности членов самой НРД, а не воспитанию в семье;
- д) имеют харизматических лидеров, возвещающих «истинное учение» [Подробнее см.: Элбакян, 2013, 114].

Если рассмотреть эти характеристики НРД через призму тех основных черт, которые свойственны эпохе постмодерна, то несложно заметить, что во многом, если не во всём, НРД являются отражением эпохи постмодерна. Свойственные обществу постмодерна мировоззренческий плюрализм, стремление к антииерархичности, доведённое до крайности «демократичности», отсутствие принятого социального идеала, шкалы «традиционных» ценностей, при неудовлетворённости ими современного человека, приводят к возникновению новой религиозности, заметно отличающейся от «традиционной». Место Бога как объекта поклонения исторических теистических религий в ней заменяется либо неким абстрактным Абсолютом, либо понятой в широком контексте духовностью, трансцендентное становится имманентным. Содержательная глубина, присущая историческим религиям, заменяется поверхностной эклектикой, собравшей воедино разнородные идеи философских и религиозных систем, либо с ориентацией на одну из религиозных традиций, но с большим количеством нововведений в вероучении, культовой практике и организационных структурах. Собственно, эта черта новой религиозности во многом является отражением таких названных выше характерных черт эпохи постмодерна, как цитатность и «клиповое мышление». Постмодернистские представления об «уникальности личности» создают благополучные условия для появления харизматического лидера, безусловной веры в его «харизму» и следования за ним достаточно большого числа последователей.

Существуют различные типологии новых религиозных движений. В данном случае мы предлагаем достаточно устоявшуюся типологию, критерием которой выступает в основном «географический» признак. Данный признак (конкретнее – место возникновения религии) существенно дополняется критерием ориентации на некую «проторелигию» или наличие «полного» синкретизма, когда невозможно

адекватно вычленив ту религию, на основе представлений которой возникло то или иное новое религиозное движение.

Исходя из предлагаемой типологии, все новые религиозные движения можно разделить на:

I. *Новые религиозные движения западного происхождения:*

1. С ориентацией на христианство;
2. Синкретичные;

II. *Новые религиозные движения восточного происхождения:*

1. С ориентацией на восточные религии;
2. Синкретичные;

III. *Новые религиозные движения российского происхождения:*

1. С ориентацией на христианство;
2. С ориентацией на язычество и неоязычество;
3. Синкретичные;

IV. *Нью эйдж (религии Нового века):*

1. Нью эйдж западного происхождения;
2. Нью эйдж российского происхождения.

Необходимо отметить, что все новые религиозные движения в той или иной степени содержат элементы синкретизма [Конталева, 2017, 62–78]. Однако выделение некоторых из них в качестве «синкретичных» в данном случае подразумевает, что они возникли и первоначально распространились в определённой западной стране (часто в США), тогда как их вероучение ориентировано на восточные религии, и есть тенденция к созданию искусственного симбиоза между этими религиями и отдельными идеями христианства. Либо, напротив, новая религия может возникать и получать распространение в какой-либо из восточных стран, но быть ориентированной на нетрадиционное для этого региона вероучение и культовую практику (например, Церковь объединения, Поместная церковь).

Аналогичным образом можно говорить о критериях дополнительной типологизации для того типа НРД, которые возникли на российской почве. Среди них присутствуют движения, ориентированные на христианство или язычество, но есть и синкретичные – в том смысле, что в них нет конкретной или преимущественной ориентации лишь на одну из «традиционных» религий, зато наблюдается причудливый набор признаков самых различных мистических учений, верований и культов.

К разновидностям НРД могут быть отнесены так называемые «религии Нового века», или нью эйдж (от англ. *New age* – «новая эра, «новый век») – обобщённое наименование ряда разнообразных мистико-окультиных религиозных групп, не имеющих единообразной организации и обрядовой практики.

Вероучения нью эйдж весьма аморфны и синкретичны, включают в себя элементы различных религий, эзотерических доктрин, «духовного» врачевания, экологических и других учений.

Ряд исследователей не считают нью эйдж религиозным направлением и полагают, что в целом религиозность и эзотеричность – понятия, существенно отличающиеся друг от друга. Так, например, известный исследователь эзотеризма, кандидат философских наук С.А. Панин, замечая в одной из своих статей, что «большинство современных эзотериков согласится с утверждением о том, что эзотеризм – не религия. Эзотеризм может интерпретироваться ими по-разному: как вечная мудрость, частицы которой скрыты в различных религиях, как особая, «тайная наука», «наука универсального равновесия», «священное искусство», «символическая философия» или же совокупность «секретных систем философии», но только не как религия» [Панин, 2015, 261], приходит к справедливому выводу о том, что «отказ адептов эзотерических групп от восприятия эзотеризма в качестве религии не является, вопреки высказываемым некоторыми авторами мнениям, способом «замаскировать» религиозный («языческий», «сатанинский») характер эзотеризма или попыткой «мимикрировать» под науку для придания большей легитимности своему учению. Напротив, подобное отношение к религии выражает подлинное понимание эзотериками собственной идентичности: идентичности, не связанной ни с одной конкретной религиозной традицией и в то же время в некотором смысле связанной

со всеми религиями мира одновременно. И раз «эзотеризм» не может являться ответом на вопрос о том, какую религию исповедуют представители эзотерических групп, вопрос о том, что представляет собой эзотерическая религиозность остаётся открытым и заслуживает внимательного рассмотрения [Панин, 2015, 262].

Природа и человек в различных движениях нью эйдж рассматриваются как единое целое, связанное и соединённое с космосом, предстающим как живое существо с различными эманациями. Последователи таких мистических концепций стремятся овладеть этими эманациями, чтобы достичь высшего знания, для чего прибегают, например, к так называемым «контактёрам» (своего рода «медиумам») – людям, выступающим некими посредниками между обычными людьми и потусторонними силами.

Общими чертами, характеризующими разнообразные группы нью эйдж, давая возможность отнести их к этой категории, можно назвать веру в безличного абстрактного Бога или некую высшую силу; в то, что человек постепенно сможет стать Богом; в реинкарнацию и цикличность (круговорот с повторениями), а не линейность (поступательное развитие) времени; в возможность и доступность различных способов общения со сверхъестественными сущностями и существами; в то, что сторонники нью эйдж способны установить порядок во всём мире благодаря овладению космической энергией и использованию её во благо человечества и др.

В качестве религиозных практик движение нью эйдж использует астрологию, спиритизм, медитацию, ясновидение. Практики дополняются вегетарианством, бесконтактным массажем, различными видами гимнастики, психоделической практикой, вызывающей при помощи определённых веществ (психоделиков) изменённые состояния сознания (например, обостряющие восприятие человеком действительности), целительством, магическими заговорами и заклинаниями, использованием в магических целях «мятников» и оберегов в виде природных элементов – камней, металлов, «магических кристаллов», защищающих их хозяев от порчи и сглаза.

В связи со столь широким набором практик группы нью эйдж, как правило, регистрируются в качестве не религиозных, а духовных или оздоровительных центров, центров целительства, гимнастики, ясновидения и других. Одним из широко распространённых в подобных группах понятий является «биополе», которое в зависимости от состояния человека или другого существа обретает различные «цвета». Основной посыл нью эйдж заключается в том, что главное – это не мир вокруг, а мир внутри самого человека. Меняя внутренний мир, человек изменяет и внешний мир по своему желанию.

Существует и второе, ещё более узкое значение термина «нью эйдж»: так именуются лишь те группы и объединения, которые акцентируют внимание на глобальной астрологии, полагая, что ключевым событием современности является переход всего человечества из «эры Рыб» в «эру Водолея» (т.е. смены определённых эпох в соответствии с зодиакальными созвездиями, используемыми в гороскопе), случившийся на рубеже XX–XXI веков. Не случайно программной работой в движении нью эйдж стала книга американской писательницы Мэрилин Фергюсон (1938–2008) «Заговор Водолея» (1980).

Англоязычный термин «NewAge» получил распространение в последней четверти XX века, сначала в журналистике, а затем и в научной литературе, посвящённой изучению новых религий и их особой субкультуры.

Группы нью эйдж возникают во второй половине XX века: в 1970-х – 1980-х годах в западных странах, а в 1990-х годах – в России [Подробнее см.: Кантеров, 2008, 898–899; Элбакян, 2014, 159].

Из краткого описания нью эйдж как разновидности НРД достаточно ясно следует, что эта группа является отражением основных, описанных выше черт эпохи постмодерна и постмодернизма как интеллектуальной рефлексии над процессами в постмодерном обществе. Вместе с тем, в отличие от «классических» НРД, религиозность которых у исследователей не вызывает сомнений, несмотря на заметную её специфику, в отношении религиозной природы нью эйдж, вопрос остаётся дискуссионным, и на сегодняшний день единый подход в отношении этих направлений отсутствует.

Однако при всём разнообразии исследовательских подходов к нью эйдж необходимо отметить, что эти направления не являются статичными, неизменными, «застывшими». Они находятся в постоянной динамике. Среди основных тенденций в развитии нью эйдж можно выделить две: неуклонный «дрейф» в сторону «классических» НРД и, напротив, отход от «религиозной проблематики», утрата отдельных «религиозных черт», присущих на этапе формирования и начального существования организации с постепенной эволюцией к нерелигиозной (светской) форме такой организации. Рассмотрим вторую тенденцию на примере международной организации «Радастея», созданной в России.

От Радастей к Институту ритмологии

Ряд исследователей, и автор этих строк в том числе, на начальном этапе формирования «Радастей» вполне обоснованно заявляли о том, что она содержит признаки религиозного направления, соответствующие нью эйдж. Однако в дальнейшем данная организация постепенно эволюционировала в сторону светской общественной организации с утратой признаков религиозности. В соответствии с этим, в настоящее время условным преемником «Радастей» можно считать Институт ритмологии, который представляет собой частное научное заведение и не занимается религиозной деятельностью.

Движение «Радастея» было основано в 1995 году в России жительницей г. Миасса и президентом Ассоциации экстрасенсов Южного Урала Евдокией Дмитриевной Марченко (род. 19.09.1952 г. в г. Щучье Курганской обл.), находившейся под сильным влиянием работ Е.П. Блаватской, Э. Бейли, Агни-йоги Е. Рерих.

Е.Д. Марченко закончила факультет астрофизики и геодезии Уральского государственного университета (Свердловск, ныне Екатеринбург), по специальности астроном-солнечник, работала в военной промышленности, занимаясь вопросами астронавигации. Она является членом Союза писателей России, автором ряда книг, лауреатом российских и международных премий.

На рубеже 1980-х – 1990-х годов Е.Д. Марченко возглавила созданную в те же годы Ассоциацию экстрасенсов Южного Урала. В 1995 году Министерство юстиции РФ зарегистрировало Международную общественную организацию «Радастея». Наименование организации было дано самой Е.Д. Марченко и в её интерпретации означало «творящая законы радости». Благодаря активной миссионерской работе, в особенности среди интеллигенции, отделения «Радастей» появились вскоре во многих крупных городах на Урале и в европейской части России, а также в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Согласно сформированному на тот момент учению Радастей, Вселенная состоит из духовного («непроявленного», высшего аспекта бытия) и материального («проявленного», т.е. видимого, осязаемого и понимаемого) миров. Все ныне живущие миллиарды людей являются представителями арийской расы, которой предшествовали «сыны Солнца», «потом-рожденные», «лемурийская», «атлантическая», и за которой появится раса «лучистых».

Земля существует в пространственно-временных рамках, и человек в своей материальной форме носителя одного из видов разума, должен выполнить своё земное предназначение. Тогда после смерти, сбросив материальные оболочки тела, он может вернуться в свою лучевую форму. Если же задача им не выполнена, то человек вновь приходит в проявленный материальный мир. Согласно таким представлениям, каждый человек – это проявленный луч, который, приходя на землю, по-разному преломляется в различных средах. Задача человека при жизни на Земле – соединить тело, душу и дух в один луч – ритм, и перейти в стадию «лучистого человека».

Последователи движения именовали себя «радастеями», у каждого из них имелся свой «лучевой адрес», «световой адрес» и «откровенное имя» (каждая из названных позиций содержит некоторую космическую информацию о человеке как носителе этого «адреса»).

Ключевым понятием «Радастей» выступало «время». Управлять временем возможно благодаря определённому набору методик, которые оформлены в так называемый «Метод 7Р0». Аббревиатура расшифровывается как 7 «Р» – «ритм»,

«ритмика», «ритмология», «ритмический рисунок», «ритмологический рисунок», и 0 – как нулевое состояние, которого необходимо достичь для разумного наблюдения.

В основе методики лежит чтение ритмов, написанных Е.Д. Марченко, – особых буквенно-звуковых словосочетаний, якобы «содержащих время».

В движении Радастея было введено «правило 4 не»: не пить, не курить, не употреблять мяса и бранных слов, поскольку всё перечисленное влияло на чистоту вибраций мозга, на тонкость восприятия реальности.

Члены движения собирались на «радасты» – встречи с автором многочисленных книг Е.Д. Марченко. Радасты длились по 3–6 дней, состояли из лекций Е.Д. Марченко, театрализованных выступлений ритмогруппы СТ-эффект, различных практических заданий – например, чтения некоторого набора ритмов с наблюдением за состоянием своего мозга.

В городах функционировали клубы, в которых заинтересованные люди обучались использованию «ритмопрактик».

Координационный центр «Радастеи» находился в г. Миассе, а отделения располагались более чем в 80 городах страны – в том числе в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Иркутске, Ярославле, Твери, Челябинске, Казани, Уфе и др., а также на Украине, в Литве, Беларуси, Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане, Германии и Швеции.

В 1990-е гг. Е.Д. Марченко активно развивала тематику, характерную для нью эйдж, использовала эзотерическую терминологию, применяла нетрадиционные практики, – это, отчасти, и стало для исследователей, в том числе и автора этих строк, причиной отнесения «Радастеи» к организациям нью эйдж в составе новых религиозных движений (НРД).

Однако сегодня, по истечении 30 лет с начала деятельности организации, стало очевидным, что более правильно говорить о нескольких этапах становления «ритмологического метода», лежащего в основе её функционирования, то есть рассматривать саму организацию в динамике.

Первый этап пришёлся на 1980–1990-е гг. По своему содержанию он представлял собой изучение различных мировоззренческих направлений, философских школ, необъяснимых наукой явлений, мировых религий и их уникальных особенностей, новых религиозных движений (в т.ч. нью эйдж). Глубоко изучались темы, связанные с энергией, информацией, пространством, временем, разумом, знаками, ритмом, мозгом (физического человека как живущего во времени), полями, струнами и струнной вселенной, «лучами» и «лучевой вселенной» и т.д. Эти исследования нашли отражение в книгах Е.Д. Марченко 1990-х гг. «Законы радуги», «За законами радуги», «Память земного опыта», «Знание человеческого опыта», «Введение в педагогику Радастеи» и др. Достаточно подробно категориально-понятийный аппарат «Радастеи» описан в Экспертном заключении С.Д. Мезенцева [Подробнее см.: Мезенцев, http://www.sclj.ru/reference/expert/detail.php?ELEMENT_ID=3119].

Данному этапу становления ритмологического метода, метода 7P0 соответствовала организационная форма МОО «Радастея».

В начале 2000-х гг. Е.Д. Марченко в основном завершила оформление своей концепции. Ключевым понятием данного периода является «ритмовремя». Метод практического применения ритмологии – 7P0 получает широкое распространение в рамках созданной Е.Д. Марченко организации. По её мнению, все события в жизни человека не случайны, над ними можно осуществлять контроль благодаря анализу логики ритма (ритмологии). Знаковая система и «чтение» знаков позволяют человеку удерживаться в своём ритме, корректировать отклонения от него, которые приводят к возникновению проблем. Благодаря этому у человека есть возможность быть радостным и счастливым. Осознание ритмовремени человеком, которое осуществляется через прочтение написанных Е.Д. Марченко ритмов, позволяет менять отношение к событиям и, как следствие, сами события. Последователи данной идеи считают, что использование метода 7P0 даёт им возможность разумно управлять своей жизнью. В целом, принцип разумности, рационального подхода к жизни является в ритмологии основополагающим.

Данному периоду развития идей Е.Д. Марченко соответствуют новые организационные формы.

В 2006 г. Международная общественная организация «Радастея» прекратила своё существование в соответствии с решением общего собрания её членов.

Вместе с тем, ещё в 2002 году по решению Всемирного Информационно-Распределительного Университета в рамках Международного университета «Медицина и экология человека» был создан «Институт ритмологии Евдокии Марченко» с центром в Москве, который получил автономный статус: руководству Института было разрешено самостоятельно формировать кафедры и отделения в различных регионах России и за рубежом. Главным консультантом Института ритмологии являлась Е.Д. Марченко. Решение Попечительского Совета подписано академиком Я.Г. Гальпериним.

Институт ритмологии (аббревиатура ИрЛЕМ) выглядит как идейный наследник «Радастеи», но уже без религиозной составляющей. Собственно, это следует из его устава, утверждённого общим собранием учредителей в 2005 г., с изменениями и дополнениями, внесёнными в 2010 и 2011 гг., где говорится: «Негосударственное научно-образовательное учреждение «Институт Ритмологии Евдокии Марченко», именуемое далее по тексту «Институт», является некоммерческим образовательным учреждением, созданным в организационно-правовой форме частного учреждения» (п. 1.1 устава). Целью Института ритмологии, как отмечается в п.п. 1.10 устава в редакции 2011 года, «является предоставление потребителям возможности развития их интеллектуального потенциала, формирования потребности к продолжению образования и самообразованию, а также оказание помощи в их профессиональном самоопределении. Для целей настоящего устава «ритм» (от греческого «мера») – это воспринимаемая форма протекания во времени каких-либо процессов».

Основной деятельностью Института ритмологии этого периода являлись образовательные услуги: семинары и тренинги по ритмологическим методикам – например, тренинги личного роста «Извлечение пользы из страха», «Растворение обиды», «Преодоление предательства», «Ликвидация лжи» и др.

В 2016 г. в устав были внесены следующие изменения: менялся статус Института ритмологии – из негосударственного научно-образовательного учреждения он был переведён в статус частного научного учреждения, став унитарной некоммерческой организацией (п.п. 1.1 устава, утверждённого в новой редакции общим собранием учредителей 16 июня 2016 г. и решением Попечительского совета от 4 июля 2016 г.) [Устав, 2016]. Изменилась и фамилия основателя, так как с 2011 г. Марченко сменила фамилию на Лучезарнову. Полное название: частное научное учреждение «Институт ритмологии Лучезарновой Евдокии» (аббревиатура ИрЛЕМ).

В п. 1.9 подчёркивается, что Институт ритмологии имеет своей целью научно-исследовательскую деятельность. Институт проводит конференции, выпускает сборники студенческих работ, сотрудничает с научными и исследовательскими организациями.

Итак, устав как основной документ организации наглядно демонстрирует, что Институт ритмологии не имеет отношения к религии и религиозным организациям. Люди приходят в него не для участия в богослужении и не в поисках Божественной помощи, а для решения вполне «земных задач», связанных с научно-образовательной деятельностью и возможным карьерным ростом. Благодаря этому, как известно, человек укрепляет в себе веру в собственные силы, осознает, что сам несёт ответственность за собственную жизнь. Эта позиция принципиально противоречит религиозному подходу, предполагающему, что жизнь человека находится в руках Бога, который и определяет каждую человеческую судьбу.

Собственно, ритмология Е.Д. Марченко не содержит в себе элементов вероучения [Мезенцев, http://www.sclj.ru/reference/expert/detail.php?ELEMENT_ID=3119]. Она построена на вере человека в собственные силы, на личной ответственности каждого за свою жизнь, на улучшении «судьбы» собственными силами при личной ответственности за свои успехи и неудачи, причины которых кроются в самом человеке. Никаких апелляций к сверхъестественному источнику, к надеждам на Божественное вмешательство и помощь, каких-либо развёрнутых или хотя бы фрагментарных представлений о Боге в учении Е.Д. Марченко, как и в процессе практической реализации разработанной ею методики, нет. Основой её учения

является понятие «ритмовремени». Е.Д. Марченко называет ритмологию наукой 3-го тысячелетия и «размещает» ритмологию между философией и психологией.

Подобная методика и основанная на ней практика опираются на антропоцентричную картину мира, в центре которого оказывается не Бог, а сам человек, ответственный за свою жизнь и строящий её самостоятельно, в отличие от религиозной (теоцентричной) картины мира, где жизнь людей определяется Богом (либо иными сверхъестественными силами). Одновременно сама Е.Д. Марченко не наделяется никакими сакральными чертами и воспринимается слушателями и сотрудниками Института ритмологии как основатель Института ритмологии, лектор, автор ряда книг по ритмологии.

Данный вывод, помимо теоретических рассуждений, подкреплён результатами, полученными в ходе проведённого автором статьи социологического опроса в форме анонимного анкетирования. В опросе на добровольной основе приняли участие постоянные слушатели Института ритмологии из различных субъектов Российской Федерации. Выборка является репрезентативной и валидной (опрошено 500 респондентов из всех восьми федеральных округов РФ).

Так, отвечая на вопрос анкеты «С какой целью Вы посещаете ИрЛЕМ?», большинство респондентов заявили, что они посещают Институт в целях личного роста, обретения новых знаний, изучения методики достижения успеха в жизни, противостояния стрессам и неудачам (88,4%) и с целью улучшения состояния здоровья, достижения хорошего и комфортного самочувствия – физического, душевного, социального (10,2%). 1,0 % опрошенных отметили пункт «Другое», расшифровав как «понимание смысла жизни», «познание себя», «саморазвитие», «знание временных законов», «развитие личности, самосовершенствование, расширение познания мира и себя» и т.п. 0,4 % опрошенных ответить на данный вопрос затруднились. Примечательно, что ни один из респондентов не отметил, что посещает ИрЛЕМ с целью удовлетворения своих религиозных потребностей (0 %). Таким образом, посещение ИрЛЕМ никак не ассоциировано в сознании респондентов с удовлетворением ими религиозных потребностей, религиозных чувств и соответствующих ожиданий.

Абсолютное большинство (99,4%) опрошенных респондентов не считают ИрЛЕМ религиозной организацией. 0,6% затруднились ответить на данный вопрос. Ни один из респондентов не ответил, что считает ИрЛЕМ религиозной организацией (0%). Таким образом, Институт ритмологии не воспринимается респондентами как религиозная организация, что коррелируется с результатами ответов на предыдущий вопрос. Очевидно, что это объясняется тем, что ИрЛЕМ не занимается религиозной деятельностью, которая не заявлена в уставе ИрЛЕМ.

Для 97,2% респондентов посещение ИрЛЕМ не аналогично посещению ими религиозного храма (церкви, мечети и т.д.), 1,8% – затруднились ответить. Только 1,0% респондентов ответили, что посещение ИрЛЕМ для них означает то же, что для христианина посещение церкви (храма), для мусульманина – мечети и т.д. Характерно, что ответившие положительно на данный вопрос в анкетах позиционируют себя в качестве православных верующих – членов Русской православной церкви. Поэтому такие ответы, видимо, даны ими по причине выделения в сознании особо значимых событий собственной жизни, к коим они относят и посещение ИрЛЕМ, которое, по их мнению, по своей важности сопоставимо с посещением храма. Посещение ИрЛЕМ у абсолютного большинства опрошенных слушателей не ассоциируется с посещением культового учреждения (храма, мечети) и какого-либо иного религиозного объекта. Институт ставит и решает вполне земные задачи, и люди приходят в него, чтобы находить ответы на вопросы, которые волнуют их в рамках «земной жизни».

Интересно, что при этом почти половина опрошенных слушателей ИрЛЕМ (41,4%) являются верующими людьми; другая группа респондентов, сопоставимая с первой, заявила себя в качестве неверующих (45,6%). 12,8% с ответом затруднились, что даёт потенциальную возможность отнести их к группе колеблющихся между религиозной верой и неверием. Таким образом, ИрЛЕМ люди посещают независимо от того, являются ли они верующими или неверующими. Религиозность

индивида в данном случае никоим образом не сопряжена с его статусом слушателя ИрЛЕМ.

В случае положительного ответа на поставленный вопрос, то есть при позиционировании себя в качестве верующего человека, респондентам было предложено конкретизировать эту позицию и написать, какой религиозной традиции они придерживаются.

Из числа верующих 86,0% респондентов ответили, что принадлежат к православию; 7,7% – к исламу; 0,4% – к буддизму, 0,5% – к протестантизму; 4,8% опрошенных выбрали другой вариант ответа, где наиболее распространённые, это вера в Бога без конкретизации религиозного направления, в «единый Божественный разум», в «Высший разум», «не отдаю предпочтения какой-то одной религии, мне интересны все понемногу», «никакие религии не отрицаю, потому что Бог един», «не являюсь приверженцем какой-либо определённой религиозной традиции, верую, что есть Высшие силы, разум, которые управляют нашей жизнью» и т.п. Таким образом, следует отметить, что подавляющее большинство верующих, посещающих ИрЛЕМ, являются сторонниками исторических религий – в первую очередь, православия и, судя по всему, не видят никаких препятствий к одновременному посещению православного храма в качестве верующего человека, занимаясь в ИрЛЕМ. Из всего массива опрошенных практически каждый третий (35,6%) позиционирует себя в качестве православного. При этом 3,2% опрошенных (общий массив) заявили, что они мусульмане, 0,4% – буддисты, 0,2% – протестанты и 2,0% выделили позицию «Другое», как правило, имея в виду внекофессиональную веру в Бога.

Абсолютное большинство опрошенных (97,8%) не воспринимают Евдокию Дмитриевну Лучезарнову (Марченко) в качестве святой (сакральной) личности; 2,2% – затруднились ответить. Некоторые респонденты разъясняли, что воспринимают Евдокию Дмитриевну Лучезарнову (Марченко) в качестве «уникальной личности», «уникального человека», «талантливого учёного», «прекрасного человека», «замечательной матери и бабушки» и т.д., то есть давали ей исключительно «земные» личностные характеристики. Ни один из респондентов не ответил, что воспринимает Евдокию Дмитриевну Лучезарнову (Марченко) в качестве особой сакральной (святой) личности, богини (0%).

Таким образом, в абсолютном большинстве опрошенные слушатели ИрЛЕМ не воспринимают Евдокию Дмитриевну Лучезарнову (Марченко) как богиню или сакральную личность, наделяя её вполне земными чертами и характеристиками.

Итак, первый блок вопросов проведённого социологического опроса (в форме анкетирования) слушателей ИрЛЕМ, выявил, что респонденты – слушатели ИрЛЕМ – по большей части или в абсолютном большинстве посещают ИрЛЕМ не с целью удовлетворения религиозных потребностей, не воспринимают ИрЛЕМ религиозной организацией, его посещение опрошенными не тождественно посещению религиозных учреждений, а создатель и руководитель ИрЛЕМ Евдокия Лучезарнова (Марченко) не воспринимается респондентами в качестве сакральной личности. Посещение ИрЛЕМ для абсолютного большинства опрошенных слушателей происходит не с целью обретения религиозной веры или удовлетворения религиозных потребностей, а для приобретения новых знаний и методик достижения успеха в «земной» жизни – то есть «здесь и сейчас», а не после телесной смерти. Однако, это, судя по ответам респондентов, никак не мешает их личной религиозности и не создаёт «когнитивного диссонанса» в сознании более чем трети опрошенных, позиционирующих себя православными и остальных, заявляющих о своей принадлежности к другим религиям или неверии. Собственно, это и понятно – никакого внутреннего конфликта, как в случаях, если бы в сознании людей «боролись» между собой стремления быть одновременно верующими двух или более религиозных направлений (религиозный выбор) – нет. В сознании заявивших себя в качестве верующих присутствует их религиозная вера (в подавляющем большинстве – православие) и, вместе с тем, они обучаются методикам личностного роста и обретения успеха, новым знаниям, умению противостоять стрессам и жизненным неудачам в частной научной организации, не имеющей отношения к религии и именуемой Институтом ритмологии (ИрЛЕМ).

Более того, контент-анализ документов ЧУ «Институт ритмологии» показывает, что в них никогда не употребляются такие слова, как «религия», «религиозный», «Бог», «божественный», «конфессия», «конфессиональный», «вероучение», «вероучительный» и т.д., имеющие непосредственное отношение к религиозному дискурсу.

Рассмотрев теоретические подходы, сложившиеся в религиоведении к объекту его изучения – религии, классификации религий и типологии религиозных организаций и выделив среди религий новые религиозные движения (НРД), а как их часть – группы нью эйдж, авторы пришли к выводу, что, возникнув в качестве религиозной организации в конце 1980 – начале 1990-х годов в Уральском регионе, Радастея, изначально относимая большинством религиоведов (в том числе авторами этих строк) к группе нью эйдж (следовательно, НРД), постепенно эволюционировала, и со второй половины 2000-х годов преобразовалась в сугубо светскую общественную организацию – Институт ритмологии. В Уставе Института полностью отсутствуют какие-либо упоминания о религии, религиозной вере, культовой практике, сверхъестественном (сакральном), а также о каких-либо формах религиозной деятельности. В настоящее время Институт ритмологии имеет статус частного научного учреждения.

Социологический опрос, проведённый в сентябре 2017 года в форме анонимного анкетирования по случайностной репрезентативной валидной выборке слушателей ИрЛЕМ, подтвердил гипотезу исследования. Результаты опроса не выявили каких-либо признаков религиозной составляющей в деятельности ИрЛЕМ, посещая который слушатели не нацелены на удовлетворение религиозных потребностей, не считают Институт религиозной организацией, не воспринимают его как священное место – храм, мечеть и т.п. Около трети опрошенных считают себя верующими и заявляют о своей принадлежности к традиционным религиозным направлениям России – православию, исламу, буддизму, либо сообщают о своей внеконфессиональной религиозности. Респонденты не воспринимают Евдокию Дмитриевну Лучезарнову (Марченко) в качестве святой (сакральной) личности, богини, наделяя её вполне земными характеристиками.

Согласно результатам опроса, целью посещения слушателями ИрЛЕМ является обретение новых знаний, изучение методики достижения жизненных успехов, противостояния стрессам и неудачам, а также улучшение состояния здоровья и достижение лучшего, более комфортного самочувствия (физического, душевного, социального).

Данные цели никак не связаны с религиозными или внерелигиозными убеждениями слушателей. Участие респондентов в деятельности ИрЛЕМ не является участием в религиозной деятельности какого-либо религиозного объединения, о чём красноречиво свидетельствуют результаты социологического опроса.

В настоящее время ИрЛЕМ представляет собой светскую (внерелигиозную) общественную организацию и осуществляет свою деятельность в соответствии с собственным уставом, составленным исходя из нерелигиозных целей и задач Института.

Заключение

Таким образом, на примере Радастеи и Института ритмологии можно проследить динамику изменения статуса одной из организаций, первоначально относимой исследователями к нью эйдж, в форму нерелигиозной организации – частного научного учреждения «Институт ритмологии», в уставных документах и деятельности которого отсутствуют какие-либо признаки религии.

Библиографический список

1. Апполонов, А.В. Наука о религии и ее постмодернистские критики / А.В. Апполонов. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. – 239 с.
2. Забияко, А.П. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / А.П. Забияко и др. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2012. – 208 с.
3. Кантеров, И.Я. Новые религиозные движения / И.Я. Кантеров // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: «Академический проект», 2008. – С. 892.

4. Кантеров, И.Я. «Нью эйдж» / И.Я. Кантеров // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: «Академический проект», 2008. – С. 898–899.
5. Конталева, Е.А. Религиозный синкретизм в интерпретации российских и зарубежных исследователей / Е.А. Конталева // Религиоведение. – 2017. – № 4. – С. 62–78.
6. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с франц. Н.А. Шматко. – М.: «Институт экспериментальной социологии», СПб.: «Алетейя», 1998. – 160 с.
7. Марченко, Е.Д. Введение в педагогику РАДАСТЕИ / Е.Д. Марченко. – СПб.: Авторский Центр «РАДАТС», 1999. – 272 с.
8. Мезенцев, С.Д. Экспертное заключение об отсутствии в ритмологии Е.Д. Марченко признаков религиозного учения, религиозной организации, религиозной литературы, секты / С.Д. Мезенцев // Религия и право. Славянский правовой центр [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sclj.ru/reference/expert/detail.php?ELEMENT_ID=3119.
9. Орлова, Э.А. Культурная (социальная) антропология / Э.А. Орлова. – М.: Академический проект, 2004. – 480 с.
10. Панин, С.А. Религиозная идентичность в западном эзотеризме / С.А. Панин // MAGNUM IGNOTUM: Магия. Герменевтика. Экклезиология / под общ. ред. И.П. Давыдова. – М.: ООО «ИПШ “Маска”», 2015. – С. 261–279.
11. Торбург, М.Р. Постмодернизм о религии / М.Р. Торбург // Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: «Академический проект», 2008. – С. 779–780.
12. Устав Частного научного учреждения «Институт Ритмологии Лучезарновой Евдокии». Новая редакция. – М., 2016. – 10 с.
13. Фуко, М. Психическая болезнь и личность / М. Фуко; пер с франц. О.А. Власова. – М.: Издательский дом «Гуманитарная академия», 2009. – 320 с.
14. Элбакян, Е.С. Новые религии западного происхождения в современной России: общие характеристики и специфические черты / Е.С. Элбакян // Новые религии в России: двадцать лет спустя. – М.: Древо жизни», 2013. – С. 113–134.
15. Элбакян, Е.С. «Нью эйдж» / Е.С. Элбакян // Элбакян Е.С. Религии России: Словарь-справочник. – М.: «Энциклопедия», 2014. – С. 159.
16. Mannheim, K. The problem of the intelligentsia. The democratization of culture / K. Mannheim // Essays on the Sociology of Culture. – Paris-London: Routledge a. Kegan, 1956. – P. 171–246.

Текст поступил в редакцию 12.12.2017

References

1. Appolonov A.V. *Nauka o religii i ee postmodernistskie kritiki* [The Study of Religion and Its Postmodern Critics]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2018, 239 p. (in Russian).
2. Zabayako A.P. *Kiberreligiya: nauka kak faktor religioznykh transformatsi* [Cyber Religion: Science as a Factor of Religious Transformations]. Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2012, 208 p. (in Russian).
3. Kanterov I.Ya. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of Religions]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: «Akademicheskiy proekt», 2008, p. 892 (in Russian).
4. Kanterov I.Ya. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of Religions]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: «Akademicheskiy proekt», 2008, pp. 898–899 (in Russian).
5. Kontaleva E.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2017, no. 4, pp. 62–78 (in Russian).
6. Lyotard J.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Moscow: «Institut eksperimental'noy sotsiologii», St. Petersburg: «Aleteyya», 1998, 160 p. (in Russian).
7. Marchenko E.D. *Vvedenie v pedagogiku RADASTEI* [An Introduction to the Pedagogics of “Radasteya”]. St. Petersburg: Avtorskiy Tsentr «RADATS», 1999, 272 p. (in Russian).
8. Mezentsev S.D. *Religiya i pravo. Slavyanskiy pravovoy tsentr* [Religion and Law. Slavic Law Center]. Available at: http://www.sclj.ru/reference/expert/detail.php?ELEMENT_ID=3119 (in Russian).
9. Orlova E.A. *Kul'turnaya (sotsial'naya) antropologiya* [Cultural (Social) Anthropology]. Moscow: Akademicheskiy proekt, 2004, 480 p. (in Russian).
10. Panin S.A. *MAGNUM IGNOTUM: Magiya. Germenevtika. Ekkleziologiya* [MAGNUM IGNOTUM: Magic. Hermeneutic. Ecclesiology]. Ed. I.P. Davydov. Moscow: ООО «ИПШ “Маска”», 2015, pp. 261–279 (in Russian).
11. Torburg M.R. *Religiovedenie. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Study of Religion. Encyclopedic Dictionary]. Eds. A.P. Zabayako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: «Akademicheskiy proekt», 2008, pp. 779–780 (in Russian).

12. *Ustav Chastnogo nauchnogo uchrezhdeniya «Institut Ritmologii Luhezarnovoy Evdokii». Novaya redaktsiya* [The Rule of Private Scientific Organization “Insistute of Rhythmology of Evdokiya Luhezarnova”. Revised Version]. Moscow, 2016, 10 p. (in Russian).
13. Foucault M. *Psikhicheskaya bolezni' i lichnost'* [Mental Disease and Personality]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Gumanitarnaya akademiya», 2009, 320 p. (in Russian).
14. Elbakyan E.S. *Novye religii v Rossii: dvadtsat' let spustya* [New Religions in Russia: Twenty Years Later]. Moscow: Drevo zhizni», 2013, pp. 113–134 (in Russian).
15. Elbakyan E.S. *Religii Rossii: Slovar'-spravochnik* [Religions of Russia: Dictionary and Handbook]. Moscow: «Entsiklopediya», 2014, p. 159 (in Russian).
16. Mannheim K. *Essays on the Sociology of Culture*. Paris-London: Routledge a. Kegan, 1956, pp. 171–246 (in English).